
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 001.891.55:39(470.13-13)(047.3)

*Л.П. Лашук, Л.Н. Жеребцов**

Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Материалы к этнической истории**

Введение.

В 1959 г. Коми филиалом АН СССР была организована этнографическая экспедиция в Прилузский и Летский районы Коми АССР [в настоящее время территория бывшего Летского р-на является частью Прилузского р-на Республики Коми]. Члены экспедиции – старший научный сотрудник Л.П. Лашук (руководитель) и младший научный сотрудник Л.Н. Жеребцов – в течение двух месяцев (июнь-июль) работали вначале на Летке, в райцентре и в сельсоветах Слудском, Гурьевском, Мутницком, затем в Прилузье, в райцентре Объячево и в сельсоветах Ношувском, Читаевском, Лоемском, Спаспорубском и Занувском. Всего обследовано 11 селений и 4 рабочих поселка.

Особенностью экспедиции текущего года являлось то, что она была завершающей по сплошному этнографическому обследованию Коми АССР, начатому нами в 1951 г. Так как Прилузье в прошлом не подвергалось этнографическому изучению, то в результате работ текущего года ликвидировано еще одно «белое пятно» в этнографии Коми АССР и создалась возможность иметь полное представление о всей территории республики.

Изучение этнографии Прилузья и Летки имеет свой особый интерес, так как эта южная часть Коми АССР заметно отличается от других районов коми целым рядом существенных черт – диалектными различиями, спецификой исторического развития, хозяйства, материальной культуры и быта. Прилузье и Летка имеют некоторые различия между собой, но в целом, по главным этнографическим показателям, это единый хозяйственно-культурный район, которому мы присвоили наименование Прилузского этнографического района.

Полевые работы производились по ранее разработанной программе, составленной на основании принципов советской этнографической науки и конкретного опыта экспедиционных исследований прошлых лет в условиях Коми АССР. Программа предусматривала сбор всего доступного материала по таким важнейшим разделам как

- 1) вопросы этнической истории, современный этнический состав и этнические взаимоотношения населения Прилузья и Летки;
- 2) специфические особенности хозяйства прилузско-летских коми в прошлом и на современном этапе;
- 3) материальная культура и быт;
- 4) духовная культура – устное поэтическое творчество, верования, поверье и т.д.

Перед нами стояла задача выявления не только этнографической «живой старины», но и, главным образом, изучение того этнографического уклада, который существует в настоящее время и в котором сложно переплетаются новые культурно-бытовые явления с традиционными формами и обычаями прошлого. Как по-

* **Лашук Лев Павлович** (1925–1990) – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета. В 1950–1960 гг. работал в Коми филиале АН СССР. **Жеребцов Любомир Николаевич** (1925–1991) – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР.

** Фрагмент научного отчета, подготовленного в 1960 г. и хранящегося в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН (Ф. 1, оп. 13, д. 48. 151 мпс.). Отчет был обсужден и принят производственным заседанием отдела истории, этнографии и археологии 25 мая 1960 г. К отчету прилагались три альбома и одна папка с иллюстрациями (241 иллюстрация). Публикуемый фрагмент текста находится на листах 3–47 и подготовлен к публикации сотрудниками ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л. Жеребцовым и Л.Я. Каневой. В квадратных скобках даны необходимые пояснения и примечания публикаторов. Нумерация сносок при публикации изменена с постраничной на сквозную.

казала практика полевых работ, Прилузье и Летка в этом отношении дают обильный и интересный материал, в частности, сочетание весьма архаических элементов с новинками современной культуры.

Наконец, в полевых условиях, так сказать, на месте, мы стремились проверить и уточнить разработанный ранее метод определения этнографических районов и микрорайонов в пределах больших культурно-исторических областей. Опыт Прилузья показал, что в принципе этот метод правильный, но нуждается в поправках, например, в том, что каждый этнографический район при всех общих закономерностях районирования определяется в зависимости от специфических условий не только этнического, но и исторического развития района.

Попутно с этнографическими исследованиями нами производилась также археологическая разведка, которая не дала никаких результатов на Летке, где ни один из многих опрошенных старожилов никогда не слышал о «чудских» древностях, т.е. находках древних вещей, но оказалась успешной в Прилузье, где обследованы три осадных городка XV–XVI вв. и древний могильник с трупосожжениями.

Ниже излагаются систематизированные полевые материалы с основными выводами из них, подкрепленными там, где это было необходимо, ссылками на литературные и архивные источники, археологические и языковые данные.

1. Материалы к этнической истории.

Приступая к изучению Прилузского этнографического района, мы поставили перед собой ряд наиболее важных вопросов этнической истории этого края, которые не получили еще достаточного освещения в специальной литературе. Материалы экспедиции 1959 г. в сочетании с показаниями иных источников позволяют выдвинуть некоторые новые соображения по этногенезу прилузско-летского населения.

Первый вопрос, интересующий нас, касается времени появления в Прилузье его старожильского населения – коми и русских.

В настоящее время это население размещено компактно и имеет четко выраженные этнические границы. В Прилузском районе коми проживают по всей верхней Лузе и вдоль тракта Ношуль – Летка, за исключением Лоемского сельсовета, заселенного сплошь русскими – старожилами. Смешанным (коми и русскими) составом отличается Спаспуробский сельсовет, по территории которого как раз и проходит этническая граница, установившаяся настолько давно, что даже в самых старых преданиях не фиксируется какое-либо иное положение. В Летском районе все старожильское население считается коми, за исключением русских жителей д. Бебера Летского с/с [сельсовета], поэтому этническим рубежом между коми и русскими здесь правильно считать линию, в основном совпадающую с административной границей между Коми и Кировской областью.

Местная устная традиция одинаково считает здешних коми и русских старожилами, но, с одной стороны, называет их предшественниками легендарную чудь, а с другой, подчеркивает, что поскольку на территории Лоемского с/с встречаются урочища с коми названиями, то русские жители здесь появились все-таки позднее, нежели коми. К этим преданиям мы еще вернемся ниже, а теперь изложим некоторые соображения относительно этногенеза прилузских коми.

Самое раннее письменное свидетельство о них датируется 1485 г. [1]. В жалованной грамоте этого времени, данный Иваном III «волостным людям пермякам» (в данном случае коми-зырянам), упомянуты жители «Лусские Пермцы» – большой средневековой волости, охватывавшей р. Лузу с верховьев до впадения р. Лехты [2]. Не подлежит сомнению, что здесь речь идет именно о коми-зырянском населении Прилузья. Во-первых, само название волости – «Пермца» – указывает на этническую общность ее обитателей с Прикамской «Пермью Великой» (коми-пермяки) и с Вычегодской Пермью (коми-зырянами); во-вторых, прилузские коми до недавнего времени называли себя «пермяками», а их русские соседи не признавали такого самоназвания; в-третьих, имеется прямое свидетельство 1676 г. о том, что «Лузская Пермца местечко бедное самое худое, а людишка зыряне безответные» [3].

Последнее указание важно и тем, что подчеркивает принадлежность прилузских коми к зырянам Вычегодского края, а не к верхнекамским пермякам. Нисколько не противоречат этому и данные языка: говоры Прилузья и Летки основными своими особенностями всецело примыкают к коми-зырянским (преимущественно сысольским) говорам, хотя и обладают некоторыми специфическими чертами, сближающими их и с северными коми-пермяцкими говорами [4].

Но откуда и когда предки появились в Прилузье? Точного ответа мы пока еще не можем дать, но многое говорит за то, что пришли они со средней Сысолы гораздо раньше XV в. С сысольцами – наиболее ранними потомками древних пермских переселенцев с Верхокамья [5] – прилузские коми имеют наибольшую близость не только в языке, но и в антропологическом типе [6], да и наиболее вероятный путь их миграции мог лежать только со средней Сысолы по р. Визинге и через Кибринский волок, нежели из какого-нибудь другого района древнего расселения коми.

Предки лужян отделились от сысоличей сравнительно рано. В их говоре сохранилось немало общепермских элементов, давно уже исчезнувших в вычегодских говорах, также развивавшихся на основе сысольского «элового» диалекта. Да и на самой Сысоле эти языковые явления сохранились только в глухих местах – в Ужге и на р. Кобре [7]. В прилузском говоре отмечены отдельные вепские заимствования (типа «пу агас» – деревянная борона), отсутствующие в сысольском и многих других говорах коми языка, что является свидетельством древнего контакта лужян с вепсами, обитавшими в бассейне Северной Двины и ее верхних притоков (Сухоны, может быть, Юга) еще до появления русских, т.е. до XI–XII вв. Подобный контакт не мог иметь места позднее, ибо с XII на устье Юга прочно обосновались «низовские» (ростово-суздальские) русские, в XIII–XIV вв. колонизовавшие поюжские и нижнелужские земли. Значит, на Лузе коми появились гораздо раньше русских, видимо, еще до XI–XII вв.

До недавнего времени на сенокосе лужяне сооружали жилище особого типа – «колу», представлявшую собой низкий бревенчатый сруб (в несколько венцов), покрытый двускатной крышей из корья. Внутри в длинной яме устраивался очаг, по обеим сторонам которого располагались земляные скамьи для спанья (см. подр. описание ниже). Любопытно, что Прилузская «кола» до мельчайших деталей близка «родановскому» дому прикамских поселений IX–XII вв. [8]. Остатки такого же дома обнаружены А.П. Смирновым на вычегодском городище Кармыльк XV–XVI вв. [9]. В поселениях XII–XIV вв. родановский дом сменяется примитивной срубной избой «вёр керка» [10]. В Спаспурубском осадном городке XV–XVI вв. нами вскрыто именно такое жилое сооружение (см. ниже). Из всего этого напрашивается вывод: в Прилузье коми пришли тогда, когда у них еще бытовало жилище наподобие родановского дома, возникшего у пермских племен еще в ломоватовское время, т.е. до IX в.

Интересный материал дает древний могильник, разведанный нами в с. Лойма. Так как это, по сути дела, первая достоверная находка древних захоронений в Прилузье, остановимся на ней подробнее. В 1958 г. в результате выемки песчаного грунта из склона последней надпойменной террасы, на которой расположена центральная часть Лоемского с/с – Погост, а ниже к реке за неширокой заболоченной полосой находится «городище» (остатки осадного Лоемского городка XV–XVI вв., рабочими случайно были найдены человеческие кости, которые старожилами сразу же были приписаны чуди, живьем закопавшей себя в землю. Что это были за кости, нам установить, к сожалению, не удалось.

При обследовании места находки обнаружилось следующее. Уступ террасы – невысокий (до 5 м), пологий, сложенный из материкового песка оранжевого оттенка. Судя по истлевшим остаткам пней в слое, некогда на террасе произрастал сосновый бор, но он давным-давно сведен, а полоса от края террасы до первых домов, шириною метров в 200, распахана. Никто не помнит, чтобы у края террасы когда-либо были постройки или кладбище, да и сам характер захоронений не на ровной площадке, а в откосе без всяких надмогильных насыпей, указывает на древний характер могильника. Откос сильно разрушен земляными работами, в результате чего образовалась глубокая выемка, шириною не менее 20 м. На оранжевом фоне материкового песка в осыпи на расстоянии всего в 6–8 м и на глубине 80–100 см от верхнего задернованного края ясно выделялись три впускных пятна серого цвета с многочисленными углистыми вкраплениями и углистой прослойкой в нижнем горизонте толщиной в 40–50 см, выше которой шел обычный песок.

Особенно интересно одна линза шириной всего в 60–70 см, представляющая собой как бы нишу в обрыве, заполненную углисто-серой прослойкой и некрупными камнями. Расчистив эту линзу вглубь берега на 20–30 см, мы встретили человеческий череп, лежащий явно *in situ* на затылке, лицом кверху, ориентированный теменем на Север (или точнее, на северо-северо-запад), т.е. в сторону противоположную реке. Под затылком черепа слева и справа подложены мелкие камни. Сразу же за черепом характерный серый слой обрывался и далее вглубь шел тот же материковый песок (альбом, снимки 2, 3) [фотографии не публикуются]. Череп небольшой, частично разрушенный: совершенно отсутствуют правые половины верхней и нижней челюсти, в куполе черепного свода неровное отверстие – не известно, искусственного или естественного происхождения. Однако череп вполне пригоден для некоторых важнейших краниологических измерений, что и было нами произведено.

Доступные измерению размеры.

окружность черепа	около 500 мм
продольный диаметр	175 мм
поперечный диаметр	132 мм
скуловой диаметр	112 мм
ширина орбиты	42 мм
черепной указатель	75,4

Единичность объекта и невозможность всех измерений по принятой краниологической программе включает сколько-нибудь определенные выводы относительно этнической принадлежности лоемского черепа, но суммарно он примыкает к группе женских черепов из известного Поломского могильника IX в. (Удмуртская АССР), о которых Г.Ф. Дебеч писал: «Поломская серия представляет собой смешанное население, составные компоненты которого (протоевропейский и умеренно монголоидный. – Л.Л.) можно было проследить в ранних могильниках ананьинского типа, но которые к этому времени (IX в. н.э.) слились так, что выделение типов, что выделение типов стало невозможным, по крайней мере на небольшом материале» [11].

Таким образом, в указанном месте мы столкнулись с захоронением, которое, судя по наличию в обнажении по крайней мере трех могильных пятен и прежним костным находкам, сделанным населением, было здесь не единственным. По всей вероятности, возле Лоймы существовал древний могильник со своеобразным обрядом захоронения. Какие-либо вещи или иные костные остатки нами после тщательных двухдневных поисков не обнаружены. Сам же обряд захоронения рисуется в следующих чертах: древние лоймичи практиковали не труположение, а трупосожжение своих покойников; остатки погребального костра в виде золы, углей, перегоревших косточек ссыпали в неглубокую грунтовую яму, сюда же иногда клали отдельно череп, может быть, вещи.

Могилы имели ориентировку на Север или Северо-Запад, располагались друг подле друга рядами, не имели надмогильной насыпи. Подобный обряд известен на Вычегде в могильниках XI–XII вв. Вот что, например, пишет о могильнике Дзиб-яг А. Грен: «Поверхность Дзиб-яг была сплошь с углублениями или так наз. чудскими ямами... Кремация эта, впрочем, была частичной, т.к. в четырех из открытых нами могил было положено по черепу, а в десяти положении большие и малые берцовые кости. Могил 15 было таких, где не было ничего, кроме пепла. Черепа лежали все, стоя лицом к северу, затылочным отверстием вниз... Кости ног почти всегда находились среди могил по направлению с юга на север, череп лежит по большей части в северо-западном углу» [13].

По аналогии в обряде захоронения Лоемский могильник, видимо, должен быть поставлен в один ряд с таким же памятниками Вычегодского края рубежа I и II тыс.н.э. и приписан предкам коми. Поскольку здесь очевидна вероятность обнаружения других захоронений как по неразрушенному земляными работами склону террасы, так и на самой террасе, поскольку резонно произвести дальнейшие раскопки Лоемского могильника.

В общем, полевые археологические и этнографические материалы 1959 г. в сочетании с данными других дисциплин позволяют уточнить время появления коми в Верхолузье. Их поселения в этом районе существовали в XI–XII вв., но возникли, вероятно, еще раньше – по крайней мере, в конце I тыс. н.э.

В более определенных чертах рисуются также крайние западные пределы расселения коми по р. Лузе. Район Лоймы, с давних пор заселенный русскими, первоначально был занят предками современных прилузских коми. На это указывают материалы Лоемского могильника (русским не был свойственен описанный выше обряд захоронения) и данные топонимики. Само население указывает, что многие речки, ручьи и урочища, пожни в Лоемском с/с носят коми названия: Зудшор – брусчатый ручей, Валог – мокрый лог и т. д. На современных картах по р. Лузе от впадения Лёхты указаны притоки Вонил, Ягил, Кычавож, по р. Лёхте – Сорваж, Дингель, Сотчембель, Изгель. Коми-зырянская топонимика перекрывает территорию старой Лузской Пермцы, которая некогда была целиком занята коми, но затем частично заселена и русскими.

К сожалению, нам не удалось записывать предания, которые бы приурочивали появление русских к какой-либо определенной эпохе. Обращает на себя внимание заметное различие местных и вычегодских легенд о чуди. На Вычегде исчезновение чуди обычно связывается с миссионерской деятельностью Стефана Пермского, т.е. фактически с русским проникновением. В Прилузье какое-либо представление о Стефане Пермском отсутствует, а чудь, хотя и здесь, также как на Вычегде и Сыsole, «уходит в землю», но вне всякой связи с христианизацией или появлением русских. В Лойме рассказывают, что чудские люди зарывались в ямки только тогда, когда приходило время умирать. В Читаево причиной самозахоронения чуди считается нежелание ее подчиняться чужому владычеству, но чьему – не известно.

Суммируя эти легенды, мы приходим к выводу: 1) деятельность Стефана Пермского на Прилузье не распространялась; 2) христианизация прилузских коми происходила в иной обстановке, нежели на Вычегде, и, видимо, очень давно и постепенно, как бы незаметно, ибо явно не носило характера единовременного акта, а поэтому не оставило памяти в качестве яркого переломного события; 3) не исключено, что христианами лузяне стали раньше, чем вычегодские и вымские коми, так как, во-первых, Прилузье с XII–XIII вв. входило в орбиту сильного влияния Великого Устюга, а во-вторых, в связи с этим Стефану проще было бы направиться на Лузу, а не на Вычегду, если бы в его время, т.е. в конце XIV в., Прилузье пребывало еще в «преlestи идолстей».

Самые ранние сведения о русском населении Лоймы мы находим в переписных книгах 1625 и 1645 гг. Правда, жители Лоемского погоста и в этих источниках прямо не названы русскими, но названия деревень здесь исключительно русские, топонимика также указана преимущественно русская: Лужок, Малое Лоемское

озерко, Чертоломский плес, Нижний конец, но выше по Лузе, начиная с устья р. Поруб, характер названий резко меняется: Тыил, Коздин, Салтыил, Ичертыж, Кервавубок, Кузьвад и т.д.

Есть основания думать, что в Лойме русские поселенцы появились много раньше начала XVII в., когда в этом погосте насчитывалось 58 населенных пунктов. Ниже Лоймы, в районе Лальска, русские деревни упоминаются в 1520-х годах, но и они, конечно, возникли не в эти годы, а раньше [13]. Наиболее вероятное время массовой колонизации русскими крестьянами нижнего Прилузья – XIV–XV вв.

Некоторые коренные лоемские фамилии позволяют определить местность, откуда их родоначальники переселились в пределы Лузской Пермцы. Явно топонимический характер носят фамилии Низовцев (т.е. уроженец низовьев какой-то реки, видимо, Лузы или Юга) и Шехонин (т.е. выходец с р. Шехони). Безносиковы имеют однофамильцев на нижней Лузе в Вымске, Бородкины (или Бородкины) – среди устюжан XVII в., Тырышкины – среди вятчан того же времени [14]. Примечательна фамилия Чужмаров, считающаяся коренной русской, но несомненно производная от древнепермского «чужмёр» («чõжмер») – горностай. Не исключено, что ее родоначальник был коми, потомство которого обрусело.

Мы не занимались специально изучением лоемского говора, но не могли не заметить, что он не имеет никакой примеси коми-зырянского вокализма, сохранил в массе древнерусскую лексику, легко сопоставимую с языком известных нам документов, и ближе всего стоит к говору устюжан.

В Лойме существуют предания, связанные со здешним «городищем», на котором при распашке находили различные металлические предметы, например, обоюдоострую железную кирку. По словам старожилов, городище это, конечно, «чудское», возле него будто бы происходили сражения. Внешних следов от укрепления ныне не сохранилось, но указывают на широкий и глубокий ров, пересекающий один из высоких мысов бортовой террасы, несколько выше которого расположен обследованный нами древний могильник.

Лоемское городище действительно является памятником, но не «чудским», а периода упрочения власти Московского великого князя в северо-восточных землях. В одном ряду с ним стоят «городки» Спаспурубский и Объячевский, о которых также существуют легенды, как о крепостях, защищавших прилузское население от нашествия врагов.

Об этих городках мы собрали все письменные известия, а в период экспедиции произвели на них археологическую разведку. Оказалось, что это наиболее поздние, но весьма интересные памятники феодальной эпохи, времен русской колонизации и важных событий в Прилузье. О здешних городках имеются письменные свидетельства XVI–XVII вв. Так, в «Книге Большому чертежу» сказано: «А по реке по Лузе городки Устюжские же. Городок Объячеи, от Вятки от города от Слободы 50 верст. А ниже Объячево 60 верст, на Лузе, городок Спаской. Ниже Спаского 20 верст, Лосменою (Лоемский. – Л.Л.). Ниже Лосменого 70 верст, Андреевской Соли Вычегодской» [15]. Мы знаем также, что в XVI в. Объячевский городок был обнесен деревянной стеной с двумя башнями и тайником, выходившим к реке. Но уже к 1625 г. городок пришел в ветхость, а в 1645 г. «того городка нет, только место, и подошвы не знат» [16]. Подобной же была судьба и других городков. В переписной книге 1645 г. Лоемский городок совершенно не упоминается, о Спаспурубском также не сказано ни слова, но на погосте подле бывшего городка еще имелся «анбар зеленый, а около ево тын стоячей», где хранился «наряд» – огнестрельное оружие и боеприпасы [17], вероятно, перенесенные из разрушенного городка.

Возникает вопрос, когда и в связи с чем были построены упомянутые осадные городки. И.С. Макаров по этому поводу пишет следующее: «В XVI в. крестьянские волости по Лузе подвергались нажиму со стороны «луговой черемисы», периодически опустошавшей русские и коми переселения. Для защиты на Лузе строились городки» [18]. М. Богословский полагал, что осадные городки в землях коми создавались московским правительством в качестве опорных пунктов с русским гарнизоном для упрочения великокняжеской власти среди туземного населения [19]. Наконец, С.В. Бахрушин и А.А. Зимин склоняются к мнению, что многочисленные осадные городки на территории Коми края возникли в XV в. «по инициативе самих жителей, на месте древних городищ, но в их устройстве могло принимать участие и московское правительство» [20].

По нашему мнению, в данном вопросе следует внести некоторые существенные уточнения. Наиболее вероятное время возникновения прилузских, равно как и сысольских, затинных городков – последняя четверть XV в., т.е. период, когда московское правительстве проводило весьма активную политику на Севере, в Прикамье и Приуралье. Достаточно напомнить, что в это время бывшие новгородские владения на Севере окончательно отходят к Москве, происходит присоединение Перми Великой и прочное включение Вятской земли в состав русского централизованного государства. Поскольку все эти события, сопряженные с военными действиями, протекали в непосредственном соседстве с Коми краем, давно считавшимся «вотчиной» великого князя московского, то территория края играла роль немаловажного плацдарма для наступления и обороны.

XV в. действительно был весьма беспокойным столетием для населения коми. Двадцатилетняя феодальная война (1432–1453 гг.) Василия II с галицкими князьями Юрием и Дмитрием Шемякой причинила немалые

бедствия землям коми. Подстрекаемые Шемякой вятчане «приходили есте многажды на великого князя вотчину... Сысолу и Вым и Вычегду», многие села пограбили и пожгли, жителей «перемучили, переморили», а частично забрали в плен [21]. В этом документе – послании митрополита Ионы вятчанам – не упомянуто Прилузье, но несомненно, что вятский разбойный набег коснулся и Прилузья.

В 1459 г. Иван III организовал ответный поход на Вятку [22], но успокоения в напряженную обстановку в этом районе он не внес. В 1462 г. «рать Черемиская с тотары казаньскими приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоевали, в полон повели много русских голов» [23]. В 1486 г. «вятчане пришли рагью на Устюг; у города не были зане же весть ушла перед ними. И стояла под Осиновцом городком день и прочь пошли, а 3 волости разграбили, а устюжане в погоню за ними ходили, да не дошли их» [24]. Два года спустя «великого князя воеводы стояли на Устюге, стерегли земли устюжские от вятчан» [25].

В это тревожное, полное военной опасности время устюжане усиленно сооружали крепости – городки Кичменьгу и Осиновец на Юге; в 1478 г. царь Иван III специальным указом «велел ставити город Устюг новои, а старой разваляти». Вероятно, тогда же началось строительство осадных городков на Лузе.

«Книга Большому чертежу» называет прилузские городки «устюжским», что ясно показывает, по чьей инициативе они создавались. Вместе с тем, в сооружении оборонительных объектов было заинтересовано и местное население, которое, по всей видимости, было основной рабочей силой в этом строительстве. Уставная грамота, выданная Лузской Пермце в 1556 г., подчеркивает: «И города Устюга и Соли-Вычегодской и иных городов Луские Пермцы крестьяне не делают, а делают они в Луцкой Пермце свои городки» [26].

Впрочем, в это время необходимость в осадных городках уже отпала. Мятая Вятка еще в 1489 г. сделалась на милость московскому великому князю [27] и превратилась в одну из мирных провинций русского государства, в конце XV–XVI вв. было нанесено окончательное поражение Казанскому ханству. Заметим кстати, что в начале XVII в. некоторые жители Лузской Пермцы свободно переселялись «в Казанский уезд на Кукарку» [28]. Поэтому у нас есть все основания считать, что основное время существования прилузских затинных городков это – конец XV и весь XVI в. В течение последнего столетия городки, вероятно, подновлялись, но затем были оставлены за ненадобностью.

Как отмечалось выше, в 1959 г. мы произвели археологическую разведку на всех трех городках, в результате чего выяснилось следующее. Лоемский городок располагался на высоком мысу боровой террасы, полого спускавшемся к реке Лузе; с боковых сторон ограничен глубокими оврагами с крутыми скатами, а с напольной стороны защищен пересекающим мыс глубоким рвом. Площадь городища неоднократно распахивалась, а сейчас занята небольшой колхозной лесобиржей. Поэтому возможность раскопок была весьма ограниченной. Несколько шурфов оказались неудачными, но в северо-восточном углу, подле рва, на небольшой глубине (40–50 см) прослеживается культурный слой – в ярко окрашенном (оранжевого оттенка) песке глинистая и углистая прослойка. У самого края рва – также углистая прослойка и слабые признаки перегнившего дерева (остатки тына). В общем, Лоемское городище – мало выразительный памятник. По всей видимости, в период существования оно было небольшим и особой роли не играло (см. фото № 4, 5, 6) [фотографии не публикуются].

Более крупными и важными в целях обороны были городки Спасский и Объячевский. К сожалению, мы можем лишь предполагать вероятное место расположения Объяевского городка – крутом берегу Лузы в центре современного Объячева, подле дома культуры (в здании бывшей церкви). В обрыве берега, ниже бередки, нами подобраны металлические шлаки, кусок распадающегося на чешуйки железа, старинный кованный гвоздь и два тонких фрагмента керамики, сделанной на гончарном кругу, из хорошей глины с примесью тщательно дробленного гранита. Керамика несомненно имеет отношение к городищу, так как состав текста, форма отвернутого наружу венчика сосуда, аналогична керамике с Ибского городища того же времени, изученного нами в 1958 г.

Наибольший интерес представляет Спаспурубское городище (по-местному, «Городок»), давшее значительные находки, главным образом керамику, орудия труда, остеологический материал. Городок расположен немного ниже бывшей церкви на крутом мысу боровой террасы, вытянутом вдоль течения р. Лузы. Мыс ограничен с трех сторон глубокими оврагами с почти отвесными скатами, с четвертой стороны мыс узким перешейком соединяется с основным материком, но пересечен здесь искусственным рвом. Западная, с пологим понижением от центра, часть мыса поросла крупным еловым лесом (см. фото № 7, 8, 9, 10) [фотографии не публикуются].

Проникнув на городище через перешеек и ров, в северо-восточном углу справа у входа, находим небольшое возвышение сильно перегоревшим слоем (остаток ворот башни), площадью 3х4 м; у его подножья большая кладоискательская яма, в которой пионеры будто бы нашли каменное ядро. Ровная, собственно городищенская территория занимает площадь в 720 кв. м (20 х 36), но ясно выраженный культурный слой имеется только в северной половине этой территории, шириною в 3,5–4 м, длиною в 17 м. Центр городища, его южная

и юго-западная части такого слоя не содержит. Нами заложено свыше десятка шурфов и на основе их показательных произведены два полных и два частичных раскопа. Обнаружено жилое сооружение типа полуземлянки с печью-каменкой, остатками стен, пола, перекрытий в виде сильно перегнившего дерева (тесаных плах?). На этом месте сделан раскоп длиной 5 м, шириной 3,3 м, глубиной до 60–70 см. Стратиграфия раскопа следующая: дернина, прослойка плотно слежавшейся глины толщиной до 20–30 см. (остаток засыпки крыши?), темный слой I, печная глина вместе с обожженными валунами, темный слой II (печной под?), материковый белый песок.

Находки вещей (керамики, различных костей) начинаются сразу же под первым глиняным слоем в I темном слое, но главным образом – в очаге и нижнем темном слое. Основная масса костей животных сосредоточена при устье печи, наиболее крупные фрагменты керамики – перед печкой слева и справа, в самой печи найдены два бруска для заточки ножей и топоров, в подходе к печке – христианский крестик из белого металла и медвежий клык. Выяснилась и такая деталь, что печь-каменка устьем была направлена к расположенному как раз напротив входу, т.е., в общем, это небольшое жилье, пристроенное, надо полагать, вплотную к крепостному тыну, весьма напоминало обычные баньки и охотничьи избышки коми.

Проверочные шурфы, заложенные в нескольких метрах справа и слева от жилья, дали культурный слой на меньшей глубине и менее интенсивный в виде прослойки гнилого дерева, угольков, глинистых вкраплений, немногочисленной и очень фрагментарной, т.е. попросту выброшенной из жилья битой керамики.

Среди остеологических сборов преобладают кости домашних животных, птиц и рыб. Находка единичного медвежьего клыка свидетельствует об использовании его в качестве амулета, что подтверждается и этнографическими данными. Подавляющее большинство найденных черепков происходит от сосудов, сделанных от руки, причем в многих случаях довольно грубо. Это были горшки средней величины (наиболее крупные диаметром до 26 см), плоскодонные, с выпуклым туловом и различной формой венчика (чаще прямостоячим или слегка отвернутым наружу) при незначительном развитии плечиков. Тесто керамики состояло из плохо отмуценной глины и примеси грубой дресвы. Орнамент не наносился. Исключением является один довольно крупный горшок, изготовленный на гончарном кругу, имеющий хорошо выраженные плечики и прямостоячий высокий венчик, а также типично славянский волнистый орнамент, опоясывающий плечики сосуда.

Керамические комплексы Спаспоровского, Объячевского и Ибского (на Сысоле) городков хорошо датируются, весьма выразительны и могут послужить хорошим материалом для характеристики одного из элементов культуры коми XV–XVII вв. Несомненно, массовая глиняная посуда изготовлялась без помощи гончарного круга, от руки, вероятно женщинами в каждом отдельном хозяйстве. Но была и посуда, изготовленная на круге по русскому образцу. Видимо, кое-где, особенно в таких важных погостах как Объячево, Спаспоров, Иб и др. существовали люди, имевшие гончарный круг. Во всяком случае, вряд ли в это время глиняная посуда привозилась в Коми край откуда-нибудь издалека.

В непосредственном соседстве со Спаспоровским городищем, на месте, где существовала церковь и старинное, давным-давно заброшенное кладбище, в обрыве берега обнаружены остатки сгоревшего дома. Здесь хорошо прослеживаются развалины глинобитной печи, фрагменты от раздавленных мелких горшков, некоторые со следами от выгоревшей пищи, кости животных, остатки оконной слюды. Найдены также точильный брусок и медвежий зуб (резец). В общем, комплекс находок такой же, что и на городище; может быть это синхронные памятники.

В период экспедиционных работ мы интересовались историей населенных пунктов (Прилузского и Летского районов). Произведена перепись всех селений по их названиям не только не только официальным, но и традиционным местным. Коли исключить недавно возникшие рабочие поселки, то основная масса коми-зырянских и русских деревень существует издавна. Это видно на примере Лоймы, Спаспору́ба, Объяче́ва, Ношу́ля.

Взять, к примеру, населенные пункты Лоемского сельсовета по современным данным в сопоставлении со свидетельствами переписной книги 1645 г. Получается весьма примечательная картина:

Современные деревни		Деревни_середины XVII века
названия официальные	названия местные	
Гавриловская	Верх	Гавриловская
Ивановская	Чарковчи	Иванова
Степановская	Митёнки	Митинская
Галактионовская	Макаровчи	Галактионовская
Филипповская	Жебавчи	Филипповская
1-я Кузнецовская	Кулига	Кузнецова
2-я Кузнецовская	Кулига	–
Пентюра	Пентюра	–

Горяиновская	Горяиновская	Горяиновская
Семушинская	Семущата	–
Кондыревская	Кондыревская	Кондыревская
Карповская	Бородкинчи	Карповская
1-я Семеновская	Ефимовчи	Семеновская
2-я Семеновская	Ефимовчи	–
Старчевская	Пакшёнки	Старцовская
Лойма	Лойма	Лоемский погост
Визилевская	Гришёнки	Визилевская
Уркинская	Деревенщина	Уркинская
Миленская	Милёнки	–
Заостровская	Борисовчи	Борисовская
Запольская	Заполье	Запольская
Вотинская	Шорошёнки	Вотиновская
Перенская	Перенская	–
Тарасовская	Тарасовчи	Тарасовская
Ракинская	Петковчи	Ракино
Козловская	Зеленки	Козловская
Грамоковская	Васильевчи	–
Тарбеевская	Еременки	Тарбеевская
Матвеевская	Некрасовчи	Матвеевская
Прислон	Юденки	Прислон
Гарь I	Гарь	Гарь
Гарь II	Гарь	–

Простое сопоставление показывает, что лишь некоторые современные деревни не названы переписной книгой 1645 г., а именно: Пентюра, Семушинская, Миленская, Перенская, Грамоковская, но, возможно, что часть их существовала уже в середине XVII в. под иным названием, так как в упомянутой книге помимо перечисленных фигурируют и такие деревни, как Рагозино, Худутовская, Омельяново, Помосово тож, Данилова, Тимофеевская, Захаровская и др.

Примерно такая же картина наблюдается в Спаспорубе, Объячеве и Ношуле. Многие здешние деревни известны с середины XVII в., но не всегда под теми же названиями, что и в настоящее время. Современный Ношувский сельсовет объединяет населенные пункты: Бор I и III, Улчекшамёдпёл, Тереховская, Лябовская, Климовская, Самкочой, Горбуновская, Яковлевская, Якушинская, Кузминская, Десятка, Девятка, Лихачевка, Сидорчой, Сонсикт, Юруксикт, Петидворка, Косьволоок, Починок Левский. Из них 9 под такими названиями упоминаются в 1645 г., но в это время в Ношуле существовали и другие деревни, в частности, Обрамово, Кондратовская, Козгорт, Титовская, которые впоследствии, конечно, не исчезли, а получили иные названия, существующие и поныне.

Поэтому не удивительно, что в памяти старожилов совершенно исчезли какие-либо достоверные представления о времени и условиях возникновения крупнейших и старейших прилузских сел, а если на сей счет кое-что и сообщается, то лишь в форме легенд. Так жители Ношуля дают следующую этимологию названия своего села: Ношуль, по-местному, Ношоль, назван по здешней речке Ношолке, по берегам которой в прошлом произрастало много липы, с нее драли корье (по-коми «шуль»), поэтому, дескать, первые русские, побывавшие здесь и удивленные обилием хорошего корья, воскликнули «но и шуль», что и стало собственным именем. Имеется и другая, сходная этимология: Ношуль происходит от выражения «ноша шуль» как свидетельство торговли ношульцами вязанками липового корья. Само собой разумеется, что подобные разъяснения слишком наивны, чтобы их принимать всерьез.

Жители Объячева называют свое село Абьячой, но что это название означает, никто толком не знает. На помощь приходит лингвистический анализ. Имя это явно состоит из двух частей «абья» и «чой», причем последняя означает гору. По весьма вероятной догадке лингвиста В.А. Сорвачевой, Абьячой означает крутую гору, точнее высокий, отвесный мыс. Действительно, Обьячой расположено на очень высоком берегу р. Лузы, господствующем над окружающей местностью.

В с. Занулье нами написаны интересные генеалогические предания, уводящие историю села в глубь веков. В переписной книге 1645 г. упоминаются деревни: в Подкиберском подволовье дер. Вишаковская, другое Вышековское, Глебовская, Спириновская над речкою над Нюлой, другое Спириновское, третье Спириновское, Не-

порт, Новоселка. Это первое известное нам упоминание населенных пунктов нынешнего Занульского сельсовета. Местные предания уточняют письменные свидетельства. Оказывается, никакой дер. Вишаковской здесь нет, а существует Мишаково (или Подкиберье), через которое в прошлом проходила дорога с Обьячево на Кибру (Куратово). Деревня эта считается самой старой среди других населенных пунктов. Центральной частью Занульи всегда считалась дер. Спиринская (отсюда и дореволюционная волость Спиринская), но лоемские и спаспуробские крестьяне, отправляясь сюда по хозяйственным делам, обычно говорили, что едут «за Нюлу» (речку, впадающую в Лузу несколько ниже Спиринской). Это и дало современное название селу и сельсовету.

По преданиям, первыми из современных фамилий в Занулье появились Мокиевы (братья Матвей и Алексей), родом из русской Лоймы. Они заняли лучшие участки земли, пригодные для распашки и сенокоса. Их потомки, распадающиеся на две ясно различимые ветви, до сих пор считаются кровными родственниками. Позднее здесь обосновался Леонтий Потапов, пришедший неизвестно откуда, потомство которого составляет одну из местных коренных фамилий. Третьей по времени появления была фамилия Вязов, также занесенная со стороны. Ее родоначальником считается ссыльный или беглый, вначале скрывавшийся в лесу, а затем поселившийся в Занулье и женившийся на здешней женщине. Нынешние Вязовы ведут свою родословную от трех предков – Кирилла, Осипа и Павла. За последние сто лет в Занулье появились следующие фамилии: Коковкин, Попов, Яборов, Марков, Юхнин из Спаспуроба; Федюнев и Хотемов из Векшора (Читаевский с/с); Захаров из соседней дер. Мишаково. О давностях их проживания в Занулье свидетельствует их родословная. Так, Хотемовы насчитывают уже четыре поколения – от Ильи, Михаила, Афанасия и Михаила. Родословная Захаровых: Василий-Федор-Николай-Алексей-Александр.

Летка заселялась коми и русскими много позднее Прилузья. Переписная книга 1645 г. сообщает: «Тое же волости Луцкие Пермцы на речке на Летке на Вятском волоку погост Ляцкой на черном лесу. А поселились же крестьяне после прежних писцов (после 1620 г.) вновь, а по дозору 128 году те крестьяне пашню пахали наездом из оброку». В середине XVII в. на Летке кроме одноименного погоста были деревни Кочергинская, Даниловская, Урютно тож на р. Волоснице, Слудка и пустошь на месте дер. Тороповской. Согласно переписи 1710 г. в этом районе существовали погост и 12 деревень и починков с 27 дворами и 149 человек мужского пола, т.е. население было все еще незначительным. Наряду с упомянутыми выше, существовали следующие деревни: Березовка, Королевская, Талицкая, Черемховская, Прокопьевская. Они же перечисляются в ревизских сказках 1747 г. [29].

Многие населенные пункты современного Летского района возникли позднее середины XVIII в., в основном в последующем столетии. Деревни Слудка и Прокопьевка обросли «сиктами» и превратились в сельсоветы. В пределах Гурьевского с/с старинными являются только три деревни – Талица, Корольки и Березовка. Остальные – Романовка, Ичет-туй, починки Пронинский и Ивановский, ровно как и сама Гурьевка (центр сельсовета) – появились много позднее. В Мутницком с/с самым старым населенным пунктом является Черемуховка, а всех деревень здесь 17. С аналогичной картиной мы сталкиваемся в Летском сельсовете, который объединяет многие деревни вокруг райцентра, по дороге на Мураши (Бебера, Крутотыла) и в сторону Ношуля на Летско-Лузском волоке (Гостиногорская, Осиновка, Поромшор и др.). В переписях XVIII в. эти населенные пункты не фигурируют и впервые появляются лишь в волостной отчетности XIX – нач. XX в.

То же самое следует в целом сказать о Ловлинском и Верхолузском сельсоветах. Волок, разделяющий бассейн Лузы и Летки, использовался для транспортировки вятских товаров (главным образом хлеба) издавна, по крайней мере, с XVII в. Однако населенные пункты стали появляться здесь только после проведения постоянного зимне-летнего тракта. По данным 1825 г. по этому тракту существовали мелкие (в 1-2 дв.) починки Гостиногорской, Поромшор, Дальшор, Старцев луг, Гуменцы, Перкурьевка, Вазюг, тяготевшие к Кочергинской волости, т.е. к Летке [30]. Заселение тракта со стороны Ношуля началось позднее. В 1840 г. на всем пути от д. Гостиногорской до Ношуля не было ни одного населенного пункта [31]. Но в 1876 г. здесь появились деревни Ловля, Кривуша, Девятка [32], а к 1886 г. новые починки Сокса и Важгорт [33]. Судя по составу местных фамилий, основателями селений по Летско-Лузскому тракту были выходцы из Кочергинской и Ношульско-Кайтановской волостей [34].

Первые починки в верховьях Лузы, ныне входящие в состав Летского р-на, возникли в конце 50 – начале 60-х годов прошлого столетия. По сведениям Кайтановского волостного правления на 1863 г., в этой глухой и труднодоступной местности существовали починки Верхне (Верхолузье), Черный мыс, Ула, в которых проживало 16 семейств, переселившихся из Ношуля и Обьячево [35]. В 1886 г. в Верхолузье отмечены населенные пункты: Кузюк, Тылай, Луза, Бадья, Черный мыс, Ула, Починок Вахнинский, Нонева, Худышина, с общим числом населения в 395 человек, обою пола [36].

Следует отметить, что для сопредельной полосы Коми края и Вятской земли в конце XIX – нач. XX вв. был характерен так наз. «хуторской» (мелкими починками) тип поселения. В период столыпинщины законодательно было подтверждено право крестьян Вологодской и Вятской губернии при желании выселиться

на починки в этом районе. Например, в 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия представило 230 переселенческих хуторских участков на 690 душевых долей в Опарино-Моломском районе [37], т.е. на границе Коми края. Немалое число русских и коми крестьян воспользовались этим разрешением и мелкими группами расселились по починкам. Возникли поселки со смешанным коми-русским населением. Таковы деревни Бебера (на Мурашинском тракте), Гурейвож и Слота (в пределах совр. Мутницкого с/с).

Одним из важных моментов в нашей работе явилось установление фамильного состава населения Прилузского и Летского районов, анализ которого позволяет сделать существенные выводы по этнической истории, в особенности по вопросу о коми-русских этнических связях. Ниже дается подробный список коренных фамилий по всем обследованным сельсоветам.

Фамилии Лоемского сельсовета
(Население русское)

/Фамилия/	/Число семейств/	/Фамилия/	/Число семейств/
Иевлев	68	Безносиков	10
Куликов	47	Пашкин	10
Чужмаров	36	Зорин	8
Шехонин	31	Рожицын	8
Низовцев	29	Шумилов	7
Киршин	24	Савинов	7
Михеев	21	Жебов	7
Бородкин	20	Макаровский	6
Помысов	19	Марков	6
Сюткин	19	Капустин	6
Карманов	18	Ерилов	5
Вилежанинов	17	Кукольщиков	5
Васильев	16	Яборов	5
Лобанов	15	Борисов	5
Чарков	14	Пантелеев	5
Машуков	14	Смолев	4
Тырышкин	11	Заварин	4
Мокиев	10	Старцев	2

А также [имелся] ряд одиночных фамилий. Некоторые из этих фамилий известны по переписной книге 1645 г., а именно: Иевлев, Ерилов, Капустин, Помысов, Карманов, Жебов, Марков, Тырышкин, Макаров. Фамилия Сюткин упоминается в документах еще раньше: в 1588 г. в Лузской Пермце (вероятнее всего, в Лойме) проживал Василий Фомин сын Сюткин [38].

Фамилии Спаспуробского сельсовета
(население на нижнем конце – русское, на верхнем конце – коми).

<u>Русские</u>		<u>Коми</u>	
/Фамилия/	/Число семейств/	/Фамилия/	/Число семейств/
Безносиков	55	Безносиков	34
Ракин	3	Ракин	51
Лобанов	3	Лобанов	55
Карманов	15	Карманов	2
Яборов	10	Яборов	1
Марков	11	Марков	1
Попов	16	Попов	4
Латышев	7	–	
Юхнин	5	Юхнин	11
Смолев	6	Смолев	1
Протопопов	4	–	

Иевлев	4	Иевлев	2
Яйцев	3	Яйцев	19
Куликов	2	–	
Низовцев	2	–	
Дымов	1	–	
–		Старцев	45
–		Урнышев	36
–		Фомин	24
–		Игутов	22
Кукольщиков	1	Кукольщиков	18
Зорин	1	Зорин	14
–		Тимонин	14
Клементьев	6	Клементьев	12
–		Калов	10
–		Плесовский	10
–		Езимов	9
–		Шиханов	9
–		Кирпулев	8

Анализируя перечисленные фамилии, можно сделать интересные наблюдения, в особенности, если сопоставить фамилии Спаспоруба и Лоймы. Во-первых, среди русской части Спаспоруба существует немало фамилий, типичных и для Лоймы: Безносиков, Зорин, Иевлев, Карманов, Кукольщиков, Куликов, Лобанов, Марков, Низовцев, Смолев, Яборов. Собственно спаспорубскими русскими фамилиями являются: Дымов, Клементьев, Латышев, Попов, Протопопов, Ракин, Юхнин, Яйцев. Однако Ракины некогда проживали и в Лойме, так как в 1645 г. здесь отмечена деревня Ракино, в которой проживало три семейства Ракиных.

Во-вторых, целый ряд спаспорубских фамилий одинаково присущ коми и русским (см. таблицу), причем нередко первые преобладают над последними: коми Лобановы, Ракины, Клементьевы, Кукольщиконы, Зорины, Юхнины, Яйцевы. В-третьих, одинаковые фамилии преобладают в нижней и центральной части села, где коми и русские живут бок о бок, а в деревнях на верхнем конце села и, в особенности, в поселках по р. Поруб, где состав населения (коми) более однороден, существуют только местные фамилии, русским соседям не свойственные.

Иначе говоря, приведенная ономастика дает хороший материал для конкретного раскрытия весьма широких коми-русских этнических взаимоотношений в полосе этнической границы. Известные нам документы первой половины XVII в. сообщают о следующих фамилиях Спаспоруба: Авшаров, Бардуков, Горбунов, Зорин, Езимов, Елкин, Ефимов, Калов, Капчаков, Лобанов, Ливаев, Лихачев, Макаров, Марков, Петряшин, Рудаковых, Сладков, Старцев, Силин, Сабуров, Тарасов, Урнышев, Яйцев (подчеркнутые фамилии существуют и по сей день [39]).

Фамилии Объячевского сельсовета.
(коренное население причисляет себя к коми).

[Фамилия]	[Число семейств]	[Фамилия]	[Число семейств]
Шулепов	94	Худяев	23
Туголуков	76	Шаглеев	15
Леканов	68	Паюсов	15
Лихачев	66	Чегесов	11
Стрекалов	64	Смолев	11
Елин	40	Сердитов	9
Кузнецов	37	Федюнев	9
Иевлев	35	Андреев	8
Панев	35	Можегов	7
Беляев	33	Багин	6
Оботуров	30	Липнин	4
Шучалин	25	Вахрамеев	4
Ложкин	25		

Кроме того, русскими указаны: Иевлевы – 7 сем., Безносиковы – 3 сем., Чужмаровы – 3 сем., Вилижаниновы – 2 сем., Сюткин, Шехонин.

Нетрудно заметить, что обячевские фамилии сугубо местные, в основном отличные от спаспурбских и лоемских. С XVII в. в Объячево проживают Шучалин, Кузнецов, Панев, Лихачев, Леканов, Шулепов, Федяев, Паюсов, Туголуков. Тем не менее ономастические связи Объячева с нижней Лузой несомненны. Иевлевы и Смолевы – русские и коми – издавна проживают также в Лойме и Спаспурбе. Лихачевы и Елины, в значительном количестве представленные в Объячево, отмечены в середине XVII в. в Спаспурбе. Любопытно, что характерная фамилия Оботуров вполне может быть сопоставлена с именем устюжанина Оботура того же столетия [40].

Но в наибольшей степени ономастика Объячева перекликается с фамилиями Читаевского с/с, с одной стороны, и Ношульского с/с, с другой, что видимо из нижеследующих таблиц.

Фамилия Читаевского сельсовета
(население коми)

/Фамилия/	/Число семейств/	/Фамилия/	/Число семейств/
Андреев	56	Вахрамеев	10
Кустьшев	41	Шучалин	9
Хотемов	30	Новиков	8
Дымов	22	Шулепов	7
Федюнев	21	Шаглеев	5
Елин	13	Русских	4
Галев	12	Тарачев	4
Туголуков	12	Чегесов	2
Тюрнин	11		

Простое сопоставление показывает, что из 17 основных читаевских фамилий только 8 является местными: Кустьшев, Хотемов, Дымов, Галев, Тюрнин, Новиков, Русских, Тарачев. Остальные аналогичны обячевским фамилиям и, вероятно, происходят от последних. Привлекают внимание фамилии Русских и Тюрнин. Первые, по преданию, действительно происходят от русского предка, в давние времена поселившегося в дер. Малый Вильгорт. Тюрнины известны по Вычегде, причем род их идет от духовных лиц русского происхождения, основавших в XVII в. Ульяновскую пустынь на верхней Вычегде, и впоследствии многие Тюрнины были священнослужителями. Вероятно, и читаевские их однофамильцы являются потомками служителя культа.

Фамилии Ношульского сельсовета
(коренное население коми)

/Фамилия/	/Число семейств/	/Фамилия/	/Число семейств/
Можегов	75	Игнатов	14
Вахнин	63	Супрядкин	14
Шулепов	53	Костылев	13
Рубцов	38	Горбунов	11
Трофимов	35	Лихачев	7
Иевлев	30	Верещагин	6
Сердитов	29	Шилов	6
Никулин	18	Бобров	6
Ичеткин	17	Ортяков	5
Тарасов	15		

В Ношуле, таким образом, имеются некоторые фамилии. Родственные обячевские: Можегов, Шулепов, Сердитов, Иевлев, Лихачев. К ним следует присоединить Вахнина, Ичеткина и Горбунова, проживающих в Объячево и Ношуле в середине XVII в. Может быть, все эти фамилии по своему происхождению обячевские, но затем распространившиеся в Ношуле в связи с переселением их носителей поближе к знаменитой торговле Ношульской пристани.

Коренное население Занулья, Читаева, Объячева и Ношуля, говорящее на коми языке, считает своими предками исключительно местных коми. Но целый ряд фамилий, не говоря уже об упомянутых выше занульских Мокиевых и Вязовых, читаевских Тюрниных и Русских, обячевских Оботуровых, Иевлевых и Смо-

левых, прозрачно намекает на участие в происхождении их носителей русских элементов. Действительно, в 1591 г. известен «Василий Иванов сын Невзоров вятчанин из Лузские Пермьцы из Объячева» [41], в 1645 г. здесь же проживали крестьяне Степанка сын Вятка и Капустин. Оба вятчанина безусловно были русскими, а Капустины и в XVII в. и по сей день являются коренными жителями русской Лоймы. Среди жителей Ношуля в 1645 г. были Горяинов и Смолев, но одновременно в Лойме существовала дер. Горяиновская, явно названная так по имени основателя, и крестьяне Смолевы.

Исследования 1959 г. дают возможность показать еще шире выразительные этнические корреспонденции русской Устюжской земли, в том числе и Лоймы, с коми-зырянской Киброй и Сысолой. Так, обращают на себя внимание сходные названия деревень Рай в Лойме и Спаспорубе, Раевсикт в Кибре, Раевская (Раева) гора в Визинге и фамилия Раевский в Визинге, Межадоре и Пыелдине. В 1585 г. в Кибринском погосте была деревня Ентула (Энталь), по названию живо напоминающая р. Енталу и Ентальскую русскую волость в бассейне р. Юг. Кстати, фамилия Югов зарегистрирована в Кибре переписной книгой 1720 г. В это же время в Кибре существовала редкая фамилия Момотов [42]. Но во вкладной книге устюжского Михаила-Архангельского монастыря под 1594 г. ясно сказано: «с Югу Михаил Гаврилов сын Момотов» [43].

В начале XVII в. в Лоемском погосте была дер. Колеговская, в XVII–XVIII вв. крестьяне Колеговы проживали в Кибре, Ибу и Визинге, где имелась к тому же дер. Колегова гора. Фамилия Карманов распространена в Лойме, Визинге, Палаузе и Ужге; фамилия Безносиков – на Лузе в Вымске, Лойме и Спаспорубе, а на Сысоло – среди устюжан и в Визинге.

Подобные корреспонденции не могут быть отнесены за счет случайных совпадений: их массовость и определенная целенаправленность свидетельствуют о взаимообмене населением между соседними народами – коми и русскими. Известно, что в первой половине XVII в. Лузская Пермца сильно запустела и поэтому часть ее жителей, мигрируя, могла очутиться на Сысоло среди коми. Неслучайно, конечно, одна из визингских деревень называется Рочево, т.е. «русская», с которой связана местная фамилия Рочев.

Данные ономастики имеют важное значение в разрешении вопроса о заселении коми и русскими бассейна р. Летки. Так как земледельческая колонизация этого района происходила довольно поздно, в XVII–XVIII вв. (см. выше), когда крестьянские фамилии приобрели сравнительную устойчивость, то распространение сходных, наиболее характерных фамилий на новых территориях почти всегда являлось свидетельством миграций их носителей из определенных пунктов. Нижеследующий фактический материал убедительно подтверждает этот вывод.

Современные фамилии коренного населения Летского района таковы:

/Фамилия/	/Число семейств/	/Фамилия/	/Число семейств/
В Летском сельсовете (вместе с бывшим Гостиногорским с/с)			
Попов	135	Косолапов	7
Кетов	75	Перминов	4
Пантелеев	44	Ичеткин	4
Мороков	35	Лобанов	3
Вахнин	36	Рубцов	2
Турков	27		
В Мутницком сельсовете			
Косолапов	64	Жигалов	5
Рубцов	48	Дымов	2
Иванов	34	Осипов	2
Перминов	34	Киселев	2
Плеханов	27	Потапов	2
Лобанов	15	Кетов	2
Черных	7		
В Гурьевском сельсовете			
Черных	133	Жигалов	16
Осипов	75	Потапов	12
Сухогузов	28	Дымов	11
Зизганов	27	Кетов	3
Сидоров	21	Иванов	3

В Слудском сельсовете			
Осипов	63	Шулепов	7
Мусанов	24	Москвин	6
Гущин	21	Черных	5
Иванов	12	Коснырев	3
Ортяков	12	Югов	3
Патракеев	11	Дымов	2

В Прокопьевском сельсовете (со слов соседнего населения): Ичеткин, Коснырев, Лобанов, Ортяков, Потапов, Трофимов, Осипов.

На основании анализа фамильных списков и при сравнении их со списками Прилузского района, а также при сопоставлении с показателями письменных источников мы приходим к интересным выводам. Во-первых, среди коми населения Летки распространено меньшее количество различных фамилий. В каждом сельсовете преобладающими являются всего несколько фамилий, носители которых, видимо, суть потомки первых переселенцев. В обширном Летском с/с таких фамилий шесть: Попов, Кетов, Пантелеев, Вахнин, Мороков и Турков; в Мутницком с/с пять: Косолапов, Рубцов, Иванов, Перминов, Плеханов; в Гурьевском с/с также пять: Черных, Осипов, Сухогузов, Зизганов, Сидоров; в Слудском с/с три: Осипов, Мусанов, Гущин; в Прокопьевском с/с две: Косныревы и Трофимовы.

Во-вторых, многие фамилии различных сельсоветов перекликаются между собой, что свидетельствует, с одной стороны, о том, что заселение Летки происходило из одних и тех же мест, а с другой, что на протяжении последних столетий на Летке происходило заметное перемещение местных жителей из одного селения в другое. В этом отношении нелишне сослаться, например, на ревизские сказки 1747 г., в которых указано, что из д. Слудки крестьяне Гущин переселился в соседнюю Прокопьевку, напротив из этого селения в д. Талицкую ушел Потапов, в Талицкую же перешел из д. Корольки С. Дымов; из д. Березовской переселились в Талицкую Черных, в Слудку – Югов. В д. Костровскую – другой Черных; из д. Талицкой ушли в Слудку Кетов и в дер. Хлыстовскую другой Кетов [44].

В-третьих, современные летские фамилии имеют многочисленные аналогии в Прилузье: Ичеткин, Рубцов, Ортяков, Вахнин (Ношуль), Дымов (Читаево), Лобанов и Пантелеев (Лойма). Документы XVII и XVIII вв., называющие имена ранних переселенцев на Летке, позволяет этот список еще расширить. По данным переписной книги 1678 г., в Летской слободке жили крестьяне: Жебов, Дмитриевых, Патракеев, Сысолетин, Лузянин, Шулепов, Осиповых, Иевлев, Стуков, Кочочиков, Ленева, Зызанов (Зизганов?), Моров (Мороков?), Лобанов, Сухогузов, Сидоров, Черного (Черных?), Артемьевых (Ортяков?), Багин, Логинов, Помосов, Чукилев, Плехов, Потапов, Коснырев, Вологжанин, Иванов [45]. Здесь уже названы многие летские фамилии, существующие и поныне, но одновременно названы и позднее исчезнувшие, но, несомненно, связанные с Прилузьем: Жебов (ср. лоемскую Жебов), Помосов (Лойма), Шулепов, Иевлев, Сухогузов, Багин (Ношуль, Объячево). Примечательны фамилии топонимического характера – Лузянин, Сысолетин, Вологжанин, т.е. точно указывающие, откуда пришли на летку крестьяне с такими прозвищами.

К моменту переписи 1747 г. на Летке появились новые фамилии: Гущин, Жигалов, Трофимовых, Кетов, Плехов, Мусанов, Тушин, Корякин, Пыжьяков, Сибриных, Кырченев, Чесноков, Москвин, Югов, Важенин, Перминов [46]. Это, по всей видимости, были выходцы из различных мест, в том числе с рр. Юг, Вага и из Прикамья (Перминов). Что же касается Москвиных, то до сих пор в их семьях, проживающих в с. Слудка, существует предание о далеком предке, пришедшем из Москвы или Московского края.

Таким образом, в формировании коми населения Летки ровно как и Прилузья, приняли участие русские этнические элементы, которые, оказываясь в меньшинстве, рано или поздно озырянивались. Такое же явление наблюдалось в XIX – нач. XX вв. Почти все жители Летки считались коми, но во многих семьях или были живые выходцы из русской среды (обычно женщины), или сохранялась память о русском происхождении кого-либо из близких или дальних предков.

В целях конкретного выяснения данного обстоятельства мы просмотрели метрические книги Слудской церкви за 1871–75, 1886–90, 1901–05 и 1913–18 гг., в которых содержатся сведения о регистрации браков. Почерпнутые сведения о смешанных коми-русских браках можно представить в виде нижеследующих таблиц.

Вступили в брак в 1871–1875 гг.	
д. Прокопьевки кр-н Коснырев (коми)	Лекошского прихода Слободского уезда девица (русская)
поч. 3-го Федоровского кр-н Коряков (русский)	Поч. 2-го Федоровского девица Плехова (коми)

В 1886–1890 гг.	
с. Слудка кр-н Дымов (коми)	поч. Веселый (Верхолузье) девица Лаветина (русская)
с. Слудка кр-н Гуцин (коми)	поч. 1-го Федоровская девица (русская)
поч. 2-го Федоровского кр-н Перминов (коми)	с. Монастырского Орловского у. девица (русская)
В 1901–1905 гг.	
д. Гурьевской кр-н Зизганов (коми)	поч. 3-го Федоровского девица Сулова (русская)
поч. 3-го Федоровского Казаков (коми)	того же поч. Вжегова (коми)
поч. Ивушинского Осипов (русский)	поч. 2-го Федоровского Плехова (коми)
поч. при р. Зимней Сидоров (коми)	Верходворской волости Шишкина (русская)
д. Березовки Черных (коми)	поч. 1-го Федоровского Сибрина (русская)
с. Слудка Иванов (коми)	поч. 1-го Федоровского Оралова (русская)
д. Прокопьевка Иванов (коми)	поч. Зимнинского Березовской вол. Казакова (русская)
поч. Прошкина Гуцин (коми)	д. Костровской Верходворского прихода Лузянина (русская)
с. Верходворье кр-н (русский)	д. Черемуховка Косолапова (коми)
поч. Прошкина Гуцин (коми)	поч. Кулижского Вологжанина (русская)
Поч. 2-го Федоровского Скопин (русский)	Того же поч. Коснырева (коми)
поч. Кулижского Вологжанин (русский)	Того же поч. Коснырева (коми)
поч. Кулижского Вологжанин (русский)	с. Слудка Шулепова (коми)
В 1913–1918 гг.	
поч. Макаровского (около Мурашей) Домашкин (русский)	д. Мутница Иванова (коми)
поч. Изъшор Макаров (русский)	с. Березовка Ортякова (коми)
поч. Лунвож Черных (коми)	Того же поч. Плюснина (русская)
д. Мутница Иванов (коми)	поч. Слота Симакова (русская)
д. Мутница Рубцов (коми)	поч. Слота Сулова (русская)
д. Кулига Коснырев (коми)	Той же деревни Вологжанина (русская)

Приведенные свидетельства метрических книг лишь по одному приходу всего за несколько лет красноречиво рисуют картину весьма оживленных этнических связей разноязычного населения в полосе этнической границы. К этому следует добавить, что не только близкое соседство, но и тесные хозяйственные связи Летки с Вятско-Камского краем способствовали все большему расширению отмеченного этнического процесса. Население Летки хорошо знает русский язык и широко им пользуется, причем указывает, что и в прошлом, как вспоминают старожилы, не только мужчины, но и многие женщины свободно объяснялись по-русски. На вопрос, как же они сами объясняют это явление, мы обычно слышали: да ведь Вятка-то была рядом, всего в ста верстах по земскому тракту, по которому и летские жители постоянно ездили по своим хозяйственным делам в город и соседние с ним села да русские вятчане во множестве навещали в летские селения с товарами и по мастерству.

Как отмечалось выше, небольшое русское старожильческое население, сложившееся в XIX – начале XX вв., существовало и на самой Летке и в Верхолузье в непосредственном соседстве с коми. На Мурашинском тракте в 17 км от с. Летка расположена д. Бебера, в которой преобладают русские жители, но есть и коми. Фамильный состав их таков:

/Фамилия/	/Число семейств/	/Фамилия/	/Число семейств/
Русские		Коми	
Агаляков	3	–	
Скопин	3	–	
Косолапов	2	Косолапов	4
–		Лобанов	3
–		Мороков	3
–		Перминов	3
Журавлев	2	–	

Окишев	2	–	
Стариков	2	–	
Чулков	2	–	
Югрин	2	–	
–		Рубцов	2
Коробейников	1	Коробейников	1
Можегов	1	Можегов	1
Старцев	1	Старцев	1
Суслов	1	Суслов	1
Белозеров	1	–	
Бояринцев	1	–	
Колпаков	1	–	
Красницын	1	–	
Крюков	1	–	
Маракулин	1	–	
Новгородцев	1	–	
Солдатенков	1	–	
Тимкин	1	–	
Ярков	1	–	
–		Коснырев	1
–		Лихачев	1

Из списка видно, что беберские коми являются уроженцами здешних мест, а русские – пришлые со стороны, но, как показывают информаторы, из ближайших районов Вятского края. За ряд истекших десятилетий некоторые коми обрусели (Косолаповы, Старцевы), напротив, отдельные русские озырянились Коробейниковы, Можеговы, Сусловы.

В пределах Мутницкого сельсовета есть две небольшие деревушки с характерными названиями: Русская Слота и Русский Гурейвож. Их население составляют: в первой деревне – Бакулин, Кассин, Кормщиков, Суслов (по 2 семейства), Бочкарев, Денисов, Казаков, Косолапов, Леванов, Симаков (по 1 семейству); во второй деревне – Зонов (2 семейства), Ивонин, Леушин, Макаров, Меньшиков, Новиков, Стариков (по 1 семейству). В большинстве случаев перечисленные фамилии встречаются в соседних вятских районах и селениях. Хотя мутницкие русские сохранили свой язык и этническое самосознание, все же они заметно сблизились с окрестными коми путем перекрестных браков и ныне сравнительно свободно говорят на коми языке.

Из-за трудности сообщения нам не удалось в 1959 г. посетить Верхолузье, но известно, что в здешних населенных пунктах – Веселом, Володичах, Уле – издавна коми и русские проживают совместно. В рукописи «Материалы экономического и этнографического обследования дер. Ула, произведенного С.Ф. Рубцовым в 1927 г.» читаем, например: «Население 214 чел., русские и коми, язык обоюдный (коми кыдья роч)» [47]. Вероятно, в Верхолузье можно обнаружить такие же этнические явления, как и в летских селениях со смешанным старожильческим населением.

* * *

В программу экспедиционных работ нашего отряда входило также изучение современного этнического состава Прилузского и Летского районов. За годы советской власти, особенно в послевоенный период, здесь произошли большие изменения в сторону значительного роста народонаселения как путем естественного прироста, так и увеличения его за счет вновь приезжающих, главным образом русских, что привело, конечно, к существенным изменениям в этническом составе. В настоящее время не только подле райцентров, но и в пределах каждого сельсовета сложились рабочие поселки лесозаготовителей, механизаторов, рабочих РТС и различных предприятий районного значения. Население этих поселков, как правило, крайне смешанное. В старых коми населенных пунктах этнический состав более однороден, но и здесь проживает немалое число представителей иных национальностей. Каких либо особых препятствий, вроде национальной предупредительности и других предрассудков, мешающим взаимным брачным связям, нами не наблюдалось. Напротив, лица брачного возраста различной национальности и профессий – рабочие, колхозники, интеллигенция – свободно образуют прочные семьи и воспитывают своих детей в традициях, представляющих гармоническое слияние русского и коми языка, быта и культуры.

В подкрепление этнографическим наблюдениям сошлемся на цифровые данные, почерпнутые в похозяйственных книгах ряда сельсоветов. Например, в Читаеве рабочих и служащих насчитывается 60 семейств, из них коми – 27, русских – 17, коми-русских, т.е. таких, в которых один из супругов коми, а другой – русский, 16 семейств. В Мутницком сельсовете в поселке совхоза из 100 переписанных подряд семей оказалось: коми – 49, русских – 26, коми-русских – 25. Здесь же на усадьбе РТС из 39 семейств кадровых рабочих мы насчитали: коми – 18, русских – 12, смешанных – 9. В соседнем Гурьевском сельсовете подавляющее большинство населения коми, а русских семейств всего 4, коми-русских – 2. Иное этническое состояние наблюдается в Слудском сельсовете, где расположен поселок механизированного лесопункта Якуньель. Из 104 постоянно проживающих в поселке семейств записали себя: русскими – 43, коми – 33, украинцами – 9. Кроме того, есть смешанные семьи: коми-русских – 15, коми-украинских – 2 и таких, где муж татарин, жена – коми, – 2. Среди слудских колхозников отмечено 11 семей, в которых муж или жена – русские, среди сельской интеллигенции подобных семей также 11, а число русских – 6.

Несомненно, что в ближайшие годы, в связи с развитием промышленности и механизированного сельского хозяйства, русское население еще более, а прогрессирующий процесс этнического смешения усилится. Параллельно с этими явлениями нарастает влияние русского языка и быта на коренное население. Примечательно, что даже в семьях, имеющих разговорным языком коми, дети начинают овладевать русской речью еще до поступления в школу, перенимая ее от своих русских сверстников, но это имеет место пока там, где совместно проживают коми и русские. В деревнях с чисто коми населением первые навыки русского языка прививаются уже в школе, если, конечно, этому языку детей не учат в семье. В настоящее время даже среди людей старшего поколения, не исключая женщин, мало кто не знает или не понимает русского языка. Молодежь и люди среднего поколения (с. Летка) говорят по-русски совершенно чисто, иногда с большей или меньшей примесью коми вокализма, при разговоре друг с другом легко переходят с одного языка на другой (с коми на русский и обратно).

В Лоемском сельсовете по-прежнему почти все население русское, но все же, не в пример, прошлому, здесь начинают появляться коми семьи в числе приезжих рабочих и интеллигенции. Среди сельского населения мы насчитали также более десятка семейств, в которых местные уроженцы мужчины, главным образом молодые (1920–30-х годов рождения), женаты на женщинах коми. В таких семьях дети считаются русскими, говорят по-русски, а из коми языка знают лишь отдельные, слова и выражения.

* * *

Таковы основные материалы к этнической истории Прилузья и Летки, которые собраны нами в летний экспедиционный период 1959 г. На основании их мы приходим к выводу, что под углом зрения специфики формирования населения оба района следует рассматривать воедино, хотя заселялись они не одновременно. Действительно, в диалектном отношении и по происхождению коми население этих районов в основном однородно, если не принимать во внимание несущественных локальных различий. Правда, в Прилузье, в полосе этнической границы, смешение коми с русскими было большим, но ведь и в состав населения Летки вошло немало число русских. Что же касается современного состояния, то в Прилузье и на Летке описанные выше этнические процессы проявляются в сходных формах и развиваются в одном и том же направлении. Поэтому по линии этнической истории Прилузье и Летка в прошлом и теперь представляют собой единый этнографический район Коми АССР.

Источники и литература.

1. Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 246.
2. По данным переписных книг 1625 и 1645 гг. Госуд. публ. библиотека [Российская национальная библиотека]. Рукописный фонд. Q IV. № 498.
3. ЦГАДА [РГАДА, Российский государственный архив древних актов]. Приказные дела старых лет, 1650–1652 гг. № 58.
4. Лыткин В.И. [Название работы отсутствует].
5. См. отчет Сысольской этнографической экспедиции 1958 г. и другие наши работы.
6. Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2.
7. Жилина Т.И. Диалектологические материалы по Койгородскому району. Научный фонд Коми филиала АН СССР [Научный архив Коми НЦ УрО РАН]. Инв. № 1042.
8. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. М., 1951. С. 37–42. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 22).
9. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. С. 207. (МИА СССР, № 28).

10. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. С. 202–203.
11. Дебед Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.–Л., 1948. С. 217.
12. Грен А. Отчет научной экспедиции в Усть-Вымском районе 1924 г. Рукоп. фонд Коми республ. музея [Национальный музей Республики Коми]. Инв. № 138. Л. 14.
13. Макаров И.С. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в XVII в. Историч. зап. Вып. 1. 1937. С. 201.
14. Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951. Т. II. С. 700, 805.
15. Книга большому чертежу. М.–Л., 1950. С. 167.
16. Макаров И.С. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в XVII в. С. 215.
17. Государ. публ. библиотека [Российская национальная библиотека]. Рукоп. фонд. Q IV. № 498.
18. Макаров И.С. Указ. соч. С. 201.
19. Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. С. 118.
20. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. I. С. 64.
21. Акты исторические. Т. I. № 261.
22. Устюжский летописный свод. М.–Л., 1950. С. 84.
23. Там же. С. 85.
24. Там же. С. 95.
25. Там же. С. 92.
26. Яковлев А. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 124.
27. Устюжский летописный свод. С. 97.
28. Писцовая книга Лузской Пермцы 1645 г.
29. Рукоп. фонд Коми республ. музея [Национальный музей Республики Коми]. № 15. Лл. 320–336.
30. ЦГА Коми АССР [Национальный архив Республики Коми, далее - НАРК]. Ф. 65. Оп. 1. Д. 31.
31. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. 66. Оп. 1. Д. 36.
32. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. 180. Оп. 1. Д. 9.
33. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. 177. Оп. 2. Д. 13.
34. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. 64. Оп. 1. Д. 326.
35. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. 52. Оп. 1. Д. 33.
36. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. 177. Оп. 2. Д. 13.
37. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 22.
38. Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. В.Устюг, 1913. Ч. II. С. 161.
39. Сенигов О.П. Памятники земской старины. СПб., 1903. С. 245; а также материалы переписной книги 1645 г.
40. Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951. Т. II. С. 840.
41. Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. В.Устюг, 1913. Ч. II. С. 164.
42. Научный фонд Коми филиал а[Научный архив Коми НЦ УрО РАН]. № 1020. Л. 172, 176.
43. Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. II. С. 174.
44. Рукоп. фонд Коми республ. музея [Национальный музей Республики Коми], № 15, лл. 320–330.
45. Там же. Л. 312–313.
46. Там же. Л. 320–331.
47. ЦГА Коми АССР [НАРК]. Ф. Р-1010. Д. 24. Л. 3.

Публикация И.Л. Жеребцова, Л.Я. Каневой